

Эшанкулова Н.А.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ТРУДАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

N.A. Eshankulova

EXPLICATION OF POLITICAL LEADERS (ELITE) IN WORKS OF PHILOSOPHERS

Данная статья посвящена изучению и определению политической элиты в трудах западных и восточных мыслителей.

Экспликация, означающая развертывание, разъяснение того или иного термина, рассматривает в статье изучение определения политической элиты.

The article covers study and determination of political leaders (elite) in works of eastern and western philosophers.

Explication means a comprehensive exposition or description of a certain term. The article covers study of a term "political leaders (elite)".

Известно, что любое общество представлено управляющими и управляемыми, то есть теми, кто осуществляет в стране политическую власть, где непосредственную роль играет политический лидер – глава государства. Но, много ли может сделать для осуществления полноценной политики в стране, ее безопасности, повышения благосостояния народа без своей команды, помощников, экспертов и целой системы законодательной исполнительной структур. Политический лидер не в состоянии осуществлять политическое руководство над обществом. Для этого требуется особая группа людей – как политическая элита, которая составляет мощнейшую основу становления и функционирования политической власти, участвует в разработке и проведении в жизнь политических программ, экономических и правовых реформ.

Еще в древности люди заметили, что в обществе существует две неравновесные группы: относительно самостоятельное и привилегированное меньшинство, которая властвует и управляет, и большинство, которое является объектом власти и управления. С этой целью стал использоваться и термин «элита», который еще в XVII в. обозначал товары высшего качества, а впоследствии стал применяться для обозначения высшей знати общества.

Самостоятельные элитистские концепции возникли лишь в конце XIX столетия. Понятие «элита» происходит от латинского "eligere" (отбирать) и франц. "elite" (отборный). В литературе можно встретить много разных определений элиты, когда имеется в виду властвующая часть общества. Но, нужно подчеркнуть, что эти понятия существуют как часть и целое, т.е. понятие «властвующая элита» включает в себя различные группы такие, как политическая, экономическая, военная, идеологическая и тем самым дает следующее понятие, политическая элита-это лишь часть властвующей элиты.

Как мы знаем родиной элитистских концепций можно считать Италию, где независимо друг от друга Г. Моска и В. Парето положили начало разработке концепций элитарности в обществе. Впервые понятие «политический (правлящий) класс» ввел в научный оборот Г. Моска.¹ Соответственно мы можем сказать, что в любом обществе власть находится у высшего властвующего класса. Поскольку, возобладав, в конечном счете, термин Парето элита четко сказано, что аттестация «элита» относится к людям высшего уровня «компетентности» («sarsacity») в своей области деятельности. Но ближе всего к полному определению этого понятия Парето подошел в более ранней своей работе: «Эти классы «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества» и/или «так называемые высшие классы» составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: aristos-лучший). Покуда сохраняется устойчивое социальное равновесие, большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами – неважно, хорошими или дурными, – которые обеспечивают власть²».

Несомненно, Парето остановил свой выбор на термине «элита» потому, что вместе с этим словом во французский и итальянский – два его родных языка – вносилась латинская коннотация eligere (слово подразумевает отбор, выбор с разборчивостью), а с нею вместе, хотя и опосредованно, изначальный смысл греческого aristoi – лучшие по достоинствам (не по рождению). Таким образом, вводимое Парето понятие является в первую очередь качественным, а имплицитно* становится альтиметрическим**. Без сомнения, эта импликация дает ключ к паретовскому «круговороту элит».

В самом деле, когда заслуги и власть совмещены, мы наблюдаем, состояние устойчивого общественного равновесия; когда они оказываются, разведены, наступает неравновесие, порождающее круговорот: элиты «де-факто», т.е. альтиметрические, вытесняются элитами «по способностям», т.е. подлинными элитами. Хотя, таким образом, и можно сказать, что концепция Парето была и меритократической***, и альтиметрической, тем не менее, оба критерия связаны между собой именно в таком порядке, и победителем у Парето, в конечном счете, всегда в истории оказывается элита по способностям, а не элита у власти.

Лассуэллу, более, чем кому-либо другому, термин «элита» обязан своим утверждением в качестве общепринятой категории, применяемой при обсуждении конструкции, которую мы вслед за ним стали называть «моделью правящей элиты». Лассуэлл, однако, воспринял у Парето слово, но не понятие. Качественная коннотация термина «элита» у Лассуэлла исчезает. Одно из типичных для него определений гласит: «Политическая элита есть высший властвующий класс³».

По Веберу М. это намерение в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим* союзом, т.е. группой лиц.⁴ В прошлом понимающие как различные союзы, начиная с рода, физического насилия было известно как совершенно нормальное средство. В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некоем решении: оно «политически» обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смены власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника.

Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает – таким образом, утверждает Дж. Сартори о сущности политической элиты⁵. Он в своих исследованиях подчеркивал под политической элитой, т.е. реальным меньшинством, из которого складывается та или иная *контролирующая группа*. Необходимо в связи с этим иметь в виду, что контролирующая власть является *политической* в том случае, когда ее ресурсной базой служит политическая инстанция (*office*), и/или во всех случаях, когда она действует через каналы политики и влияет на решения тех, кто делает политику.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое»^{****} рекрутирование политических руководящих слоев.

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также – хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов – руководящие *политики*. Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. Второй слой такого же рода представляли получившие гуманитарное образование грамматиков (*Literaten*). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и,

прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять тексты на латинском и греческом языках. Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишить дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый в повседневном общении термином «джентри» (*gentry*). Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступал в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств. Пятый слой – составляли юристы, получившие университетское образование, – был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей его политической структуры.

Еще одно предварительное замечание касается разницы между вопросами: «что такое контролирующее меньшинство?» и «кто принадлежит к контролируемому меньшинству?» Первый вопрос выводит на концептуальную проблему, второй – на эмпирическую. Концептуальная задача – выработать определение «контролирующих групп», имея в виду их характеристики, и дать различающимся между собой группам соответственно различные названия. Эмпирическая проблема – установить, существуют ли в действительности контролирующие группы, а также выяснить, кем и что контролируется. От концептуального анализа мы требуем принципиальной схемы (*a framework*) и/или типологии, эмпирическая задача состоит в том, чтобы выявить, какая контролирующая группа существует в том виде, как она определена, т.е. задана вменными ей характеристиками.

В трактатах Конфуция, сущность политической элиты отражает не само определение термина, а проявляет причины появления руководящего слоя, непосредственная взаимосвязь упадка и расцвета государства от качества власть предержащих.

Когда его спрашивали, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил:

– Да будет государем государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын.

Отсюда следует понимать то, что все должно находится в своих рамках и осуществлять наряду с этим возложенные обязанности в обществе.

Когда спросили в чем состоит управление государством, Конфуций ответил:

– Когда руководишь, забудь об отдыхе. А, выполняя поручение, будь честен.

Это те качества, которые не присущи для многих политиков современности. Но и нельзя

говорить о том, что нет таких руководителей выполняющих свои функции ответственно и честно. Также Конфуций подразумевал характерные особенности для руководителей. Быть примером для своих подданных, не винить за малые проступки, выдвигать достойных и способных.

– А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? Учитель отвечал:

– Возвысь тебе известных, А не тех, кого не знаешь...

Это своего рода «формула» для идеального правления, для руководителей политической верхушки, слоя, элиты, правящего класса.⁶

Рассматривается, каким должен быть правителем и кого можно относить к этой группе.

Правителями государства должны быть философы владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия – в понятие политической элиты, так рассматривает Платон, предусматривая то, что если установленная нами природа философа получит надлежащую выучку, то, развиваясь, она непременно достигнет всяческой добродетели; но если она посеяна и растет на неподобающей почве, то выйдет как раз наоборот, разве что придет ей на помощь кто-нибудь из богов. Между тем, кто так говорит, они-то и являются величайшими софистами, в совершенстве умеющими перевоспитывать и переделывать людей на свой лад – юношей и стариков, мужчин и женщин. Те, кто густой толпой заседают в народных собраниях, либо в судах, или в театрах, в военных лагерях, наконец, на каких-нибудь иных общих сходах и с превеликим шумом частью отвергают, частью одобряют чьи-либо выступления или действия, переходя меру и в том и в другом; они кричат, рукоплещут, и вдобавок их брань или похвала гулким эхом отражаются от скал в том месте, где это происходит, так что шум становится вдвое сильнее.

Макиавелли же напротив рассматривал своих трактатах, каким должны быть государи. Государи, прежде всего, должны держать слово, т.е. то меньшинство, которое будет относиться к политической элите должна завершать начатое дело⁷ Излишне говорить, сколь похвальная в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово, и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи, в конечном счете, преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли

иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полужверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы? Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе (это типология свойственна нынешним главам государств, Н.: И. Каримов относится к типологии лис, такой же хитрый, умный, к такой типологии относился экс-президент Грузии Шеварднадзе...)

Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана (эту типологию использовал в своих трудах и Парето). Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Есть не многие главы государств, которые все могут твердить о мире

и согласии, а на самом деле рушат, воюют и направляют свои войска в другие государства.

Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представляют для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, он устоит перед любым неприятелем.

По Макиавелли, правительство есть совокупность всех лиц, занимающихся отправлением дел общественных. Оно поставлено в обязанность доставлять народу благоденствие и потому имеет право государством управлять для достижения сей предназначенной цели. Обладая сим правом, оно должно иметь и соразмерную власть, дабы обязанность могла быть выполнена и право было бы действительным. Сия власть, посредством которой правительство исполняет свою обязанность, употребляет свое право и достигает предназначенной

цели, есть Верховная власть. Из общего предмета или состава благоденствия государства истекают особенные предметы сей общей цели и, как общей цели благоденствия соответствует Верховная власть, так должны соответствовать каждому особенному предмету: особенная обязанность, особенное право и особенная власть. Сии особенные власти истекают из верховной, которая объемлет всю цель учреждения правительства; почему и должны особенные власти совершенно зависеть от верховной и действовать по направлению, от нее исходящему. Совокупность всех сих особенных или частных властей составляет государственное правление, которое также названо, быть может, чиновничеством. Из сего явствует, что правительство не может выполнить своей обязанности и государству доставить благоденствие, если не будет иметь власти, соразмерной важности и обширности цели гражданского общества, и что сия власть распространяет свое действие по всем предметам на целое государство, имея притом много подчиненных властей, кои уже действуют на отдельные только предметы или на отдельные только части. Общая власть именуется Верховной властью, а совокупность частных – государственное правление или чиновничество⁸. (т.е. политическая элита).

Самое простое, что мы можем сделать, – это разделить общество на две страты: высшую, в которую обычно входят управляющие, и низшую, где находятся управляемые. Этот факт, а также факт циркуляции индивидов между этими двумя стратами настолько очевидны, что во все времена они доступны даже малоопытному наблюдателю. Начиная с Платона, почувствовавшего эту проблему и урегулировавшего ее искусственным образом, многие рассуждали о «новых людях», «парвеню», и существует огромное количество посвященных им литературных произведений⁹. И тем не менее приверженцы элитистских подходов обосновывают свою позицию тем, что история не знает исключений и потому власть меньшинства над большинством постоянна и будет всегда.

* имплицитный – скрытый, не проявляющийся явно, открыто

** альтиметрический – от altus=высокий+метр и соответственно означает общественный

*** меритократический – от лат. meritus достойный+кратия-власть наиболее одаренных

**** плутократическое – от гр. plutos=богатство + крат – представитель наиболее богатой и влиятельной части господствующего класса

Примечание:

1. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
2. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 59–67.
3. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. №2. С. 80–89.
4. ВеберМ. Избранные сочинения. М., 1990. С. 644–675, 689–706.

5. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. №2. С. 80–89.
6. Конфуций. Я верю в древность. М., 1995. С. 55, 56, 58,
7. Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
8. См.: там же.
9. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 59–67.

Рецензент: д.филос.н., проф. Тогусаков О.А.
